

ной слѣдующія измѣненія: 1) Согласно журнальному постановленію на 30-е сентября сего года, на содержаніе лицъ управленія и учащихъ прибавить 460 р. по 5 р. въ годовой урокъ къ нормальному жалованью учителей учебныхъ предметовъ, какое количество означить въ § 1 общаго расхода и въ частности противъ тѣхъ учащихъ, которымъ послѣдуетъ эта прибавка. 2) По § 2, на содержаніе воспитаницъ назначить, согласно дѣйствительному расходу по отчету за 1877 г., баранины, вмѣсто 100, 50 пудовъ на 160 руб., масла коровьяго вмѣсто 25, 20 пуд., на 212 р., горчичнаго вмѣсто 15, 10 пуд. на 94 р., бѣлыхъ грибовъ вмѣсто 3, 2 пуда, на 88 р., картофеля вмѣсто 90, 60 пѣшковъ, на 48 р.; по § 3, на содержаніе прислуги, на трехъ служителей, равно и караульщиковъ вмѣсто 84 р. назначить 72 р. въ годъ каждому, всего въ количествѣ 288 р. и на освѣщеніе за 12 пудовъ стеариновыхъ свѣчъ, вмѣсто 134 р., 120 р. и на покупку и испращеніе вещей: назначить тарелокъ и чайныхъ чашекъ вмѣсто 25 по 15 дюжиямъ того и другаго, мысокъ вмѣсто 30, 20 штукъ; блюды и графинны большыхъ вмѣсто 20 по 15 штукъ тѣхъ и другихъ и чайниковъ вмѣсто 20, 10; за доставку воды вмѣсто 240 р. 160 р., на письменныя потребности вмѣсто 130 р. 100 р. и на канцелярію вмѣсто 40 р. 30 р. 3) внести въ смѣту 200 р. на застрахованіе училищныхъ зданій. 4) Исключить расходъ въ количествѣ 15 р., на испращеніе лампъ и замковъ, отчисливъ этотъ расходъ къ рубрикѣ мелочныхъ расходовъ. Затѣмъ 5) прочія статьи расхода признать правильными. О чемъ составилъ журналъ, представить на утвержденіе Его Преосвященства и, когда оно послѣдуетъ, сдѣлать испращеніе смѣты и съ надлежащею надписью возвратитъ ее въ Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища. На семь журналъ Его Преосвященство позволилъ написать: „1878 г. октября 5. Исполнить“.

(Окончаніе бюджета).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о хурулахъ, богослуженіи и празднествахъ, отправляемыхъ калмыками, ночующими въ предѣлахъ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (2).

Когда простые калмыки разойдутся по своимъ кибиткамъ, тамъ начинаются поздравленія только съ нѣкоторыми измѣненіями. Когда почтенный глава семейства входитъ въ кибитку, семейство стоитъ до тѣхъ поръ пока онъ

(2) Сл. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 7, 8, 9 15, 16, 19, 20, 21 и 22.

займетъ свое мѣсто, на кровати, (а это у калмыковъ самое почетное мѣсто). Къ нему начинаютъ подходить члены его семейства. Сначала сыновья, если они есть: потомъ дочери и въ заключеніи жена. Сыновья и дочери подошедши поздравить отца, становятся на правое колѣно, прикладываютъ сложенные ладони своихъ рукъ ко лбу и произносятъ обычное привѣтствіе: *Мэндэ сайнг одюртэ олзэтэ болтугай!* „Здравствуй, съ праздникомъ будьте благополучны“, причемъ подставляютъ отцу правое плечо. Отецъ, произнося *мэндэ*, рукою касается плеча подошедшаго и нюхаетъ голову сына, или дочери. — Впрочемъ, нѣкоторые изъ кочевниковъ, подражая обычаямъ русскихъ, иногда цѣлуютъ своихъ дѣтей. Жена подходитъ послѣ дѣтей, соблюдая тотъ же этикетъ. Вели-же калмыкъ является поздравить съ праздникомъ своего *нойона* (князя), или *аймачьнаго зайсана* (это господина, завѣдующаго десятками, а иногда и сотнями семействъ) то онъ также складываетъ свои ладони прилагая ихъ ко лбу, становится на правое колѣно, и подставивъ владѣльцу правое плечо, произноситъ: *Мэндэ!* Владѣлецъ, коснувшись плеча поздравляющаго, даетъ ему руку, къ которой поздравляющій прикладываетъ голову, не снимая шапки: за тѣмъ, обими рукавами своего тулуна, съ почтеніемъ обнимаетъ протянутую руку владѣльца; повторивъ свой привѣтъ *Мэндэ!* Владѣлецъ, на привѣтъ поздравляющаго, отвѣчаетъ *Мэндэ!* На праздникъ *Цаганс*, подчиненные приносятъ владѣльцу или *зятя*, или мелкую серебряную монету, завернувъ ихъ въ бѣлую бумагу, или-же *Бартогу*⁽¹⁾ *арги* (кемшицкой водки изъ молока). Принявши подарокъ, владѣльцы и лица почетные, своимъ визитаторамъ раздають конфеты или пряники, которые для этого случая и покупаются цѣлыми лицами. У простыхъ калмыковъ, при встрѣчѣ съ однохотонцами, въ кибиткѣ или на пути, въ праздникъ *Цаганс-Сара*, нѣтъ обычая пожимать руку; но младшій—ударивъ, правою рукою, по локотному сгибу рукава лѣвой руки, протягиваетъ обѣ руки встрѣтившемуся, произнося *Мэндэ!* Принявшій привѣтъ, тоже протягиваетъ обѣ руки, и обхвативъ правую руку встрѣтившагося, до локтя, отвѣ-

(1) Бартога—бутылъ, считалъ изъ выдѣланной конины; шейка у бартоги дѣлается не выше четверги, съ диаметромъ въ полвершка; а остальная часть раздуга, на подобіе старинныхъ стекляннихъ пузырьковъ, съ узенькими высокими шейками. Въ бока бартоги вшиваются разной ширины продолговатые куски кожи, какъ въ бока сакъ-волжей,—отъ чего она и можетъ раздуваться. Когда сохнутъ бартогу, ее размочать и потомъ туго набиваютъ пескомъ, съ которымъ она и засыхаетъ, отъ чего бартога дѣлается жествою, имѣя сплюснутую круглую форму. Выѣстность бартоги бываетъ различна; въ нее можно налить штофъ, два или три водки, которая всегда нахлѣтъ кожей. При верховой ѣздѣ, по безводнымъ степямъ, въ бартогахъ возятъ и воду, привязывая кожаную бутылъ къ тарокамъ сѣдла, за пришитилъ къ бартоги уши.

часть: *Мэндэ!* После чего мѣняются или *зятями*, или конфетами, если они есть: или мелкою монетою, называя это *Цагана бэлэжэ* „подарокъ праздника Цагана“.

Бываютъ случаи, что въ праздникъ *Цаганэ*, богатаго скотовода посѣщаютъ и лица, не принадлежащія къ калмыцкому племени, которыя имѣютъ на него начальственное вліяніе. Ихъ *Цагана бэлэжэ* сверхъ *зятя*, состоитъ изъ фунта пряниковъ и фунта простыхъ конфетъ—карамели; завязанныхъ въ новый ситцевый платокъ, который, вмѣстѣ съ гостинцемъ, поступаетъ въ собственность того лица, которому приносится *Цагана бэлэжэ*. Хозяинъ въ свою очередь старается отблагодарить сдѣлавшаго ему честь. Онъ даритъ принесенному или кредитные билеты, или лошадку, или корову съ теленкомъ; но въ большинствѣ случаевъ новый мерлушчатый тулупъ. Первые три сорта подарковъ передаются безо всякихъ церемоній; хозяинъ при всѣхъ даетъ деньги, или пообщается пригнать обѣщанныхъ животныхъ. Но при передачѣ послѣдняго соблюдается особая церемонія. Хозяинъ секретно отдаетъ приказаніе принести извѣстный тулупъ; лицо, которому поручено это исполнить, незамѣтно для гостей уходитъ изъ хозяйской кибитки въ другую, гдѣ хранятся вещи, беретъ тулупъ, указанный хозяиномъ, и тоже почти незамѣтно для гостей, приноситъ въ кибитку: осторожно подходитъ къ сидящему гостю, сзади, и, несмотря на то, если-бы онъ былъ и въ шубѣ, вдругъ накидываетъ тулупъ на плечи того лица, которому предназначено сдѣлать подарокъ! Когда хозяинъ увидитъ что тулупъ надѣтъ на гостя, тотчасъ протягиваетъ ему руку для взаимнаго поздравія, произнося, это вамъ отъ меня *Цагана бэлэжэ!* Съ этого момента, тулупъ дѣлается уже собственностію того лица, которое имъ одѣто.

Вечернія угощенія и забавы калмыковъ на праздникъ *Цаганэ*, бываютъ тѣже самыя, о которыхъ мы говорили въ статьѣ о праздникѣ *Зуга*. Впрочемъ, въ некоторыхъ улусахъ, вмѣсто балалайки (*бомбурэ*) музыкальнымъ инструментомъ служитъ скрипка (*хурэ*). На скрипкѣ, въ большинствѣ, играютъ (*хурэ-татаху*) дѣвушки; рѣдко молодые парни (*залуу*). Скрипичный строй бываетъ самый низкій, отъ чего мотивы калмыцкихъ пѣсеней выигрываются довольно глухо, но все таки отчетливѣе нежели на балалайку. Въ улусѣ Малодербетевскомъ (а его относительно, къ другимъ улусамъ, можно назвать болѣе развитымъ), у зайсанговъ и богатыхъ калмыковъ случалось встрѣчать особый музыкальный инструментъ, изобрѣтенный калмыками, кото-

рый называютъ *ятаги*. Онъ дѣлается изъ четырехъ продолговатыхъ тонкихъ дощечекъ, длиною аршина два съ половиною, а шириною въ четверть. Эти доски склеиваются на подобіе четверугольной басовой флейты, въ органахъ. На верхней доскѣ отверстій не бываетъ, онѣ дѣлаются съ боковъ. Къ оконечностямъ *ятаги*, приклеены, четверти въ двѣ, откосы того-же формата, у которыхъ верхняя доска отпилена длиннѣе нижней. Откосы служатъ выѣсто пожекъ для инструмента. На мѣстахъ близвкихъ къ началу откосовъ, поперегъ, утверждены металлическія пластинки, въ полвершка вышины, (на подобіе ладовъ на гитарѣ), чрезъ которыя проходятъ мѣдныя длинныя струны. На склонѣ одного откоса вбито семь желѣзныхъ шпилекъ, на которыя надѣты струны; а на склонѣ другаго— семь желѣзныхъ колковъ, (какъ у старинныхъ гуслей), на которые наверхуты металлическія струны, всѣ въ одинъ тонъ. Подъ каждой струной имѣется особая, узенькая деревянная подставка, съ металлической вершинкой, въ родѣ кобылки на скрипкѣ. При настраиваніи *ятаги*, колки не повертываются, а только передвигаются подставки въ правую сторону; верхніе ближе къ концу, а средніе и нижніе— дальше. Такъ-что, по окончаніи строя онѣ представляютъ форму, похожую на расположеніе согнутаго вала, съ желѣзными колками, въ старинныхъ гусляхъ. На *ятагу* играютъ преимущественно жены зайсанговъ, ихъ взрослые дочери, или жены богатыхъ калмыковъ. Пальцы правой руки играющей, ударяютъ по струнамъ, въ настроенной части *ятаги*, занимающей третью часть инструмента; по струнамъ-же находящимся внѣ строя, которыя занимаютъ двѣ трети *ятаги*, ударяютъ пальцами лѣвой руки; нижнія струны производятъ звуки теноровые; а верхнія— теноро-басовые. На *ятагу*, издающей не громкіе звуки, плясовыхъ пѣсней почти не играютъ; преимущественно-же играютъ такіе мотивы, въ которыхъ выражается грусть, тоска, или своеобразная мелодія степныхъ красавицъ, которыя, подъ аккомпаниманъ этой музыки, иногда поютъ особо для сего составленныя калмыцкія пѣсни.

Замѣчательнъ обычай калмыковъ, когда они, на праздникъ *Цаманъ*, даютъ пирушку своимъ однородцамъ. Гости, приглашенные къ владѣльцу или зайсангу, на вечернюю пирушку, при входѣ въ кибитку хозяина, (а въ Малодербетевскомъ улусѣ у зайсанговъ есть и дома), обыкновенно протягиваютъ ижимаютъ руку хозяину, женѣ его, дѣтямъ, если онѣ есть; и всѣмъ собравшимся гостямъ. Угощеніе начинается съ кирпичнаго варенаго чая, который подаютъ въ *дамбахъ*, (родъ узкихъ шбановъ, съ металлическими обру-

чиками, на верхней крышкѣ сдѣлано отверстие, для наливанія въ оный чай, и потомъ—для разливанія по чашкамъ гостей), причѣмъ предлагаютъ неудобно-ли кому пить и русскій чай, какъ его называютъ калмыки; потомъ подають *шоломъ*, баранину и другія яства, приготовленныя въ другой кибиткѣ. За тѣмъ дѣло переходитъ къ угощенію русской водкой. На низенькій столикъ (*ширѣ*), ставятъ полведерную бутылъ съ водкой и нѣсколько небольшихъ стаканчиковъ, въ родѣ большой рюмки. Весь вечеръ одинъ калмыкъ сидитъ около этаго стола, въ родѣ виночернія, наливаетъ стаканчики водкой и приглашаетъ гостей. Гости подходятъ къ столу, берутъ палитые стаканчики, безъ всякихъ комплементовъ опораживаютъ ихъ и отходятъ. Послѣ выпивки закуски никакой не полагается. Женамъ зайсанговъ и богатыхъ калмыковъ, если они пьютъ водку, стаканчики ставятъ на поднось и подносятъ; если-же простой водки не пьютъ, то ихъ угощаютъ *чичиремъ* „краснымъ винограднымъ виномъ“, или ратофіемъ. Женщинамъ, дѣвѣцамъ и вообще дѣтямъ подають пряники, конфекты, орѣхи и т. под. Мушкетамъ-же этого не полагается. Когда посидятъ, попьютъ, повеселятся и надобно расходиться, гости никогда не благодарятъ ни хозяйна ни хозяйку; а одинъ по одному уходятъ домой, кому когда заблагоразсудится. Хозяинъ увидѣвши опустѣвшую кибитку, остается очень доволенъ; заключаа изъ этого обстоятельства, что гости его уподиваны какъ слѣдуетъ.

Послѣ праздника *Цаганъ*, большинство калмыковъ обыкновенно продастъ свои овчинные и мерлушчатые тулупы *даргадыкамъ*, т. е. русскимъ торговцамъ, которые, въ каждомъ улусѣ—*нутукт*—имѣютъ лавки, помѣщающіеся въ кибиткахъ. Собраніе нѣсколькихъ лавокъ составляетъ особый *базаръ*. Торгуютъ большею частію куницы изъ гг. Царицына и Чернаго-Яра. Цѣны на тулупы бывають очень не высокія. Овчинный тулупъ, сошптый осенью и пропощенный одну зиму, но препорядочно запачканный и въ избыткѣ надѣленный паразитами⁽¹⁾, стоятъ полтора, два, или три рубля. Тулупъ изъ рыжихъ мерлушекъ 5 или 6 рублей; изъ бѣлыхъ,—составляющихъ одежду гелюнговъ,—8 или 10 рублей. Изъ урослыхъ барашковъ (*сэксэргэ*) отъ 4

(1) Висей ни калмыки, ни ихъ духовенство не убиваютъ; а если они накопили въ сорочкѣ, то ее снимають, въ рукава продѣвають у и л и у, оконечности которой двое держатъ; одинъ изъ конхъ друтникомъ ударяетъ по рубашкѣ, чтобы ссыпались пашкомые. Изъ тулуновъ и кошомъ, этихъ привеллигированныхъ пашкомыхъ, выводятъ тѣмъ, что тулуновъ или кошму разстилають на горячій песокъ, шерстью внизъ: и будго-бы они сами уходятъ въ песокъ?! Калмыки если моймають вошь, то осторожно выносятъ ее внѣ кибитки и бросаютъ на землю, говоря, что послику она родилась изъ моей плоти, то убивать ее грѣхъ (и у л ѣ)!!! Вдохъ-же, которыхъ впрочемъ въ стѣнахъ немного, если моймають, убивають.†

до 6 рублей и т. далѣе. Такую обыкновенную и дешевую продажу калмыки объясняютъ тѣмъ, что послѣ *Цагана* будетъ тепло и тулунъ не понадобится. Во время-же весны и лѣта кочевники запасаются свѣжими овчинами или мерлушками, которыя выдѣлываютъ женщины, употребляя для сего кислое молоко. Изъ будущимъ холодамъ изъ нихъ построятъ новые тулуны, которыя, по минованіи въ нихъ надобности, на лѣто, тоже поступятъ въ продажу.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе) (1).

Цивилизація запада при всей своей наружной обольстительности и при глубокомъ внутреннемъ распадѣніи была не результатъ мирнаго, спокойнаго развитія изъ глубокихъ началъ чистаго православія; она возникла, развивалась и поддерживалась какъ-то насильно и неестественными мѣрами; возникнувъ изъ быта, въ свою очередь, возникшаго изъ борьбы противоположныхъ элементовъ, она жила только борьбою. Главнѣйшія начала, послужившія основою западной цивилизаціи, были Римская церковь, Греко-Римская образованность и варварскіе народы. Первые два начала: начало христіанское и начало греческое, переработавшись въ лабораторіи римскаго сознанія, не замѣтно внесли въ себя сознаніе личнаго, высшаго права. Отсюда Латинская церковь, вопреки православному ученію, стремится утвердить свое единство и связать своихъ членовъ не союзомъ любви христіанской, а объединеніемъ подъ одною видимою главою церкви — монополіа Римской церкви, Греко-Римская образованность по той-же причинѣ приобрѣла себѣ монополію и сознаніе средневѣковаго человѣка не могла мыслить иначе, какъ только по языческой системѣ Аристотеля. Но до такихъ итоговъ Латинская церковь и Греко-Римская образованность дошли не сами собою влѣдствіе взаимнаго дѣйствія другъ на друга, а по требованію иныхъ условій и именно — третьяго начала: варварскихъ народовъ. Около половины 3-го вѣка двинулись изъ Азіи на Западъ Европы племена моцныя но не цивилизованныя, съ которыми Римская имперія должна была вступить въ борьбу, кончившуюся тѣмъ, что новыя свѣжія племена заступили мѣсто старыхъ и стали продолжать исторію человѣчества. Эта борьба была не за существованіе только государства, а за тѣ духовныя приобретенія, какія въ

(2) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 1, 2 и 19 1879 г.